

Сергей Свой
Сначала думай -
потом мечтай 2

18+

Сергей Свой

Сначала думай – потом мечтай 2

«Автор»

2026

Свой С.

Сначала думай – потом мечтай 2 / С. Свой — «Автор», 2026

Сергей, пройдя "дикие" для обычного человека испытания и насмотревшись "в реальном времени" событий прошлого и настоящего (в бездне Космоса) решил просто стряхнуть с сознания такое... По его просьбе Конклав отправляет нашего ГГ в его "золотые" детские времена - с 1974-го по 1975-й годы. Они почему то решили что он будет просто сидеть на бережку с бамбуковой удочкой и ловить окушков да зубрить школьные задания на каникулы, ага)))

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сергей Свой

Сначала думай – потом мечтай 2

Глава 1

Глава 1: Голубое небо и два «я»

Это было.

Какой человек во взрослом состоянии не мечтал о том, чтобы вернуться в детство? И что-то изменить. Обязательно у каждого есть что изменить в прошлом. Это даже без обсуждений. Сожаления, ошибки, несказанные слова, неудачные поступки – груз, который тянется за тобой из темноты былого.

Вот и он, Сергей, лежал на травке детской площадки, что в ста метрах от его домика, что родители купили два года назад. Пахло горячим асфальтом, пылью и детским потом. Где-то звенели качели, кто-то кричал: «Дай покататься!». Но всё это было как за толстым стеклом. Он смотрел в бесконечно голубое, без единого облачка, небо 4 июня 1974 года. И вспоминал свою прошлую жизнь.

Прошлую в каком смысле?

Его сознание, взрослое, усталое, набитое образами гигантских станций на астероидах, картами мультивселенной и ликом печального гиганта-Садовника, пыталось осмыслить этот простой факт. Он физически находился внутри своего воспоминания. Это не было сном или галлюцинацией. Он чувствовал каждую травинку, упирающуюся в спину сквозь тонкую майку. Слышал, как его собственное (но такое чужое) сердце бьётся ровно и часто, как у щенка. Видел, как высоко в небе, почти на границе синевы, парит коршун, которого он тогда, в двенадцать лет, принял за ястреба.

Парадокс давил на виски изнутри. Прошлая жизнь была для этого тела в будущем. А для его сознания – в прошлом. Он был разорванным существом, застрявшим в точке разлома собственной временной линии. И эта детская площадка, с её ржавыми турниками и вытоптанной землёй под каруселью, была самым странным и самым реальным местом во всех мирах.

Мысль «что-то изменить» пришла сама собой, рефлекторно. Не ходить в тот поход. Предупредить отца о его скорой болезни. Не дразнить того пса, который потом всё-таки укусит за ногу. Сотня мелких и крупных сожалений всплыла, как пузыри со дна.

Но почти сразу нахлынуло другое, более мощное и чуждое чувство. Это был не голос Садовника. Это было знание, выжженное в нём за последние месяцы. Знание о хрупкости реальности. О том, что его линия жизни – лишь одна нить в ковре судьбы всего его «пузыря», его мира-сада. Вмешательство, даже самое малое, могло создать колебание. А колебание – привлечь внимание.

«Паук» искал его след. Архитектор с его Клинками ненавидел спасённые миры. Любое резкое движение здесь, в прошлом, могло стать маяком.

И тогда он понял. Он вернулся сюда не для того, чтобы изменить прошлое. Он вернулся, чтобы укрепить его. Чтобы заново пережить и утвердить каждое мгновение, которое сделало его тем, кем он стал. Чтобы якорь его человечности врос в реальность так глубоко, чтобы никакая сила извне не могла его вырвать.

Он лежал и смотрел в небо. Детское «я» просто наслаждалось покоем и свободой от уроков. Взрослое «я» видело в этой синеве не просто атмосферу Земли, а тончайший, драгоценный купол, нарисованный поверх бездны. И этот купол надо было беречь.

Снизу, от подъезда, донёсся крик: «Се-рё-жа! Иди домой!»

Это был голос матери. Молодой, звонкий, без той усталой хрипотцы, которая появится годы спустя.

И тело откликнулось само. Двенадцатилетний Сергей вскочил, отряхнул штаны и побежал, подняв облако пыли. Взрослый Сергей пошёл внутри него как пассивный пассажир, чувствуя лёгкость бега, жар солнца на коже и одно-единственное, невероятно простое желание – поесть маминых котлет.

Он не мог ничего изменить. Наверное. Но он мог всё это ощутить заново. И, может быть, в этом ощущении и была его настоящая сила.

Глава 1: Голубое небо и два «я» (продолжение)

Семья Сергея переехала сюда, в этот небольшой шахтёрский городок в Днепропетровской области, всего три года назад. Из казахстанского села, с его бескрайними ветренными степями предгорья, – «к славянам», как как-то выразился отчим, скупое и без улыбки. Продали свой дом там, заняли денег у брата отчима и купили тут, на самой окраине, небольшой, но свой домик. Почти вся родня потянулась следом: бабушка с дедом, дядька с двумя тётками, которые жили с дедом и бабушкой. Привык Сергей быстро. Детям ли не привыкать? Новый мир оказался не враждебным, а щедрым на открытия. И друзья нашлись почти сразу – целых семь одногодков, живших в радиусе километра. Школа, русскоязычная, была недалеко, возле дома бабушки с дедом. А их собственный дом на окраине летом был просто раем.

Рыбалка... Страсть Сергея в детстве. И вот она, рядом. Всего пятнадцать минут бега – и ты на берегу балки, которую медленно, год за годом, заполняла откачанная из шахт вода. Она превратилась в настоящее озеро, длинное и глубокое, с камышами по берегам. Местные называли его просто – «Балка». Для Сергея и его друзей это было море приключений. Чем плоха рыбалка, когда караси и плотва клевали прямо с утра? А купаться... Практически всё лето пацаны норовили смыться туда на целый день. Лежа сейчас на траве, Сергей-наблюдатель чувствовал, как в памяти его детского «я» всплывают эти образы: предвкушение завтрашней рыбалки, прохлада утренней воды, терпкий запах влажного камыша. Это были не просто воспоминания. Это были коды доступа к состоянию абсолютной, безоговорочной реальности. Той реальности, где самое главное – это взмах удочки, всплеск на воде и крик товарища: «Тачи, кажется, клюёт!». Взрослое сознание, отягощённое знанием, делало свои холодные пометки.

Добыча урана. Радиационный фон. Шахтные воды. Но для двенадцатилетнего Сергея, чьим телом он сейчас обладал, это были просто слова из взрослых разговоров, не несущие никакой угрозы. Угроза была там, в будущем, в виде аномалий, Клинков и Пауков. Здесь же была только жизнь – шумная, пахнущая пылью и яблоками, полная солнца и простых желаний. Где-то на границе восприятия, как далёкий пульс, бился золотой свет сферы – его нить Ариадны, ведущая обратно в будущее, на холодный «Гиперион». Но эта нить сейчас казалась такой тонкой, такой ненужной. Хотелось оборвать её и навсегда остаться здесь, в этом лете, в этом теле, где главной болью был ободранный локоть, а главной трагедией – потерянная на рыбалке блесна. «Серёжа, иди домой!» – голос матери снова прозвучал настойчивее. Детское «я» полетело к дому, шлёпая сандалиями по раскалённой земле. Взрослое «я» пошло вместе с ним, цепляясь за каждую деталь: трещину в заборе, которую нужно было перелезть особым способом; запах сирени из палисадника соседа; далёкий гудок заводской сирены, отмечающей конец смены.

Он не мог ничего изменить. Наверное. Но он мог всё это вспомнить. И в этом воспоминании, в этой тотальной погружённости в простую плоть мира, он черпал тихую, несокрушимую силу. Силу для той войны, что ждала его там, за границей детства. Войны за право этого запаха сирены, этого вкуса маминых котлет и этой голубой бездны неба над балкой существовать вечно. Он шёл домой, и в нём, словно в одном сосуде, уживались два существа: мальчик, мечтающий о завтрашней рыбалке, и страж, готовящийся к битве за само мироздание. И пока они шли вместе, мир был цел.

Глава 2

Глава 2: Сны Вышних и железная банка

Сергей проснулся после первой ночи, проведённой в детстве, с тяжёлой, ясной мыслью, вбитой в сознание как клин. Сон был не похож на обычные детские грёзы. Это было послание. Чёткое, властное, лишённое образов, но полное непререкаемого смысла. Вышние – именно это слово отпечталось у него внутри – говорили с ним напрямую, вкладывая знание в самую ткань его души.

Послание было двойным. Первое: «Не отбрасывай те позывы, что посещают тебя ныне. Они – нити твоего призвания. Иди по ним». Второе, ещё более конкретное: «И есть место на земле твоей, где ты должен встать. Имя ему – Аркаим. Ступи туда».

Сон рассеялся, оставив после себя не смутное воспоминание, а стальную решимость. Аркаим. Во взрослой жизни он много читал об этом таинственном месте на Южном Урале: древней обсерватории, городе-крепости возрастом четыре тысячи лет, «месте силы». Но в 1974 году об Аркаиме не знал почти никто. Это слово ничего не говорило ни его родителям, ни ему, двенадцатилетнему пацану. Но оно всё сказала Вышним. А значит, теперь говорило и ему. Клад – не самоцель. Клад – средство. Средство добраться до Аркаима. Зачем? Он не знал. Но приказ был тотальным: «Делай».

Пропальвая картошку под уже припекающим солнцем, он строил планы. Детское тело гнулось над грядками, а взрослый ум, запертый внутри, прокладывал маршрут через тернии реальности. Вариант был один, отчаянный и единственный. Найти клад – царские червонцы. Рассказать родителям. Уговорить отчима съездить в Казахстан, к тому самому куму Андрею, ушедшему мужику, который, по слухам, мог сбить такое золото «нужным людям» – богатым узбекам-начальникам, мало считающимся с советскими законами. Рассчитаться с душащим долгом дяде Коле в Чимкенте. И тогда, на волне облегчения и, возможно, благодарности, выдвинуть второе условие: поездку на Урал. В Аркаим.

Как именно он убедит родителей потратить время и остаток денег на эту, с их точки зрения, бессмысленную поездку – он ещё не знал. Может, сослаться на тот же вещий сон, на «нужду души», на обещание, данное высшим силам. В глубинке, при всей советской атеистической пропаганде, вера в такие вещи была живуча. Или придумать историю про желание посмотреть страну, про мечту – ведь они никогда никуда не ездили! С внезапно свалившимся богатством такой каприз мог бы пройти.

Рыбалка на Балочке откладывалась. Сейчас было не до неё. Сейчас было время действовать.

Вечером того же дня представился идеальный момент. Отчим пришёл с завода мрачнее тучи. Выкурив сигарету на крыльце, он вошёл в дом и молча сел за стол.

– Письмо от Николая, – бросил он, не глядя ни на кого. – Напоминает. Говорит, дети подрастают, своя нужда... – Он не договорил, но всё было ясно. Долг в три-четыре тысячи нависал над семьёй дамокловым мечом, отравляя каждый день. Мать, ставя на стол миску с картошкой, лишь глухо вздохнула. В этом вздохе была вся их жизнь – жизнь в режиме экономии, в вечном расчёте копейки, в страхе перед завтрашним днём.

Именно в эту тяжёлую, гнетущую тишину детский голос Сергея врзался, как лезвие.

– Пап, мам... Я знаю, где взять деньги. Много денег. Чтобы отдать дяде Коле и ещё осталось.

Отчим медленно поднял на него глаза. В них не было интереса, только усталое раздражение.

– Брось, Сергей, не до глупостей.

– Это не глупости! – настойчиво сказал ребёнок, и в его тоне зазвучали нотки, несвойственные двенадцатилетнему. – Я знаю, где клад. Царское золото. В старых развалинах у второй шахты.

Мать замерла с половником в руке. Отчим прищурился.

– Кто тебе такое наболтал? Опять пацаны у гаражей треплются?

– Не только. Мне... мне приснилось. – Сергей сделал ставку на это. – Точный сон. И голос был. Голос сказал, где искать, и сказал, что это нам поможет. А потом... потом нам надо будет поехать в одно место.

– Какое ещё место? – спросила мать, и в её голосе сквозь недоверие пробивалась тревожная жилка надежды.

– На Урал. Место называется Аркаим. Мне туда очень надо. Это важно.

– Аркаим? – отчим фыркнул. – Что за чушь? Никогда не слышал. Сначала клады, потом географию учить меня собрался? Ешь картошку и не выдумывай.

Но Сергей не отступал. Он начал говорить. Спокойно, детально, как взрослый. Он описал старую контору из красного кирпича. Северо-восточный угол. Третий оконный проём от входа. Подвижную балку в полу. Железную банку из-под чая «со слонем». Он говорил о том, чего не мог знать. О том, что станет местной легендой лишь через несколько лет.

Чем больше он говорил, тем тише становилось в комнате. Скепсис на лице отчима постепенно вытеснялся чем-то другим – концентрацией, азартом, той самой опасной надеждой, которая заставляет людей верить в чудо. Мать села на стул, не отрывая от сына широких глаз.

– Откуда ты это... так точно? – наконец выдохнул отчим.

– Сказал же – сон. И голос. Он сказал, что это правда. И что если мы это найдём, то должны будем потом поехать туда, куда он скажет. В Аркаим.

– И что там, в этом твоём Аркаиме? Сокровища ещё больше? – в голосе отчима зазвучала уже не насмешка, а деловитый интерес.

– Не знаю. Но мне туда надо. Это условие.

Отчим долго молчал, курил, глядя в закопчённый потолок. В его голове явно шла борьба между здравым смыслом, страхом и жгучим желанием разомкнуть тиски долга.

– Ладно, – отрезал он наконец, давя окурок. – Завтра суббота. С утра ходим, глянем. Только, Сергей... – он наклонился к сыну, и его лицо стало суровым, – если это твои фантазии, если мы из-за этого будем выглядеть последними дураками... Лучше тебе этого не делать. Понял?

Угроза висела в воздухе, но ставки были уже слишком высоки. Для семьи – избавление от нищеты. Для Сергея – исполнение воли Вышних и шаг к разгадке его собственной судьбы.

Ночь прошла в тревожном, лихорадочном ожидании. Сергей-ребёнок почти не спал, ворочался на своей раскладушке. Сергей-наблюдатель внутри был холоден и сосредоточен. Он анализировал каждый шаг, каждое возможное развитие событий. Он снова и снова прокручивал в памяти ощущение от того места – тяжёлое, дремлющее присутствие. Но теперь он интерпретировал его не как нечто чуждое, а как сигнал. Сигнал именно о золоте, о материальной ценности, вписанной в ткань этого места. Возможно, это и был тот самый «маяк», который привёл сюда легенду, а в будущем приведёт и рабочих. Но сейчас он был первым.

Суббота, 8 июня 1974 года, началась до рассвета. Отчим раздобыл лом, фонарь «Летучая мышь» и большую холщовую сумку. Шли они молча, отец и сын, по спящим улицам городка. Воздух был свеж и прохладен, на востоке арepas начинало брезжить. Сергей-ребёнок шёл, сжимая в кармане кулаки, его сердце колотилось так, что, казалось, было слышно в утренней тишине. Отчим шёл твёрдым, решительным шагом, но напряжение читалось в каждой его мышце.

Заброшенные шахтные строения в предрассветных сумерках были похожи на декорации к мрачной сказке. Терриконы чернели на фоне светлеющего неба, как пирамиды чужой, непо-

нятной цивилизации. Контора, которую искали, стояла особняком. Красный кирпич её стен местами обвалился, окна зияли пустыми глазницами, крыша провалилась в нескольких местах. Отчим на пороге остановился, окинул взглядом внутренность, залитую густыми тенями.

– Ну? – односложно бросил он.

– Там, – указал Сергей вглубь, в северо-восточный угол.

Они вошли. Луч фонаря выхватывал из мрака груды строительного мусора, обломки стульев, рваные бумаги. Пол был усыпан битым кирпичом и щебнем. Но в указанном углу, как и предсказывалось, доски пола выглядели целее. Отчим молча принялся за работу. Он не был нежным. Ломом он стал сгребать мусор, отбрасывая его в сторону. Сергей помогал руками, откидывая мелкие камни. Работа шла под аккомпанемент тяжёлого дыхания отчима и скрежета железа по кирпичу.

Прошло минут двадцать. Лом со стуком ударился обо что-то глухое и деревянное – не о щебень, а о пустоту.

– Есть, – прошептал отчим, и в этом шёпоте была вся сдержанная страсть охотника, нашедшего дичь.

Они быстро расчистили площадь около квадратного метра. Под слоем грязи и мелких камней обнаружился деревянный щит, вправленный в раму из толстых, почерневших от времени балок. Отчим провёл рукой по стыкам. Одна из балок, та самая, третья от стены, явно отличалась. Она не была прибита наглухо. Он упёрся в неё плечом, надавил. Раздался противный, ржавый скрип, но балка поддалась, сдвинувшись на пару сантиметров. Ещё усилие – и часть щита, примерно полметра шириной, отъехала в сторону по скрытым в пазах роликам, открыв чёрный провал вниз.

Запах ударил в нос – сырой земли, старого дерева, ржавчины и чего-то ещё... сладковатого, напоминающего воск или высохшее масло. Отчим направил луч фонаря в отверстие. В свете пыльного конуса было видно, что внизу – небольшая ниша, не более полуметра глубиной. И в ней, покрытые толстым слоем пыли, лежали три предмета. Два ржавых жестяных ящика из-под патронов времён войны. И между ними – та самая, прямоугольная, с рельефными слонами по бокам, железная банка из-под чая.

Отчим замер. Его рука с фонарём дрогнула. Он медленно, почти благоговейно, протянул другую руку и вытащил банку. Она была тяжёлой. Очень тяжёлой. Он поставил её на пол рядом с лазом. Звук был глухим, металлическим, но с тем самым, желанным, звонким перезвоном, который мог издать только металл, и много металла. Пыль столбом встала в луче фонаря.

Крышка банки была не откидной, а припаянной. Отчим, не раздумывая, вставил кончик лома в узкую щель под крышкой и, используя край открывшегося лаза как рычаг, с силой надавил. Раздался короткий, сухой треск припоя. Крышка поднялась.

Отчим задержал дыхание. Сергей присел рядом, заглядывая через его плечо. Фонарь был направлен прямо внутрь.

Золото.

Оно не слепило, не сияло. Оно лежало плотно упакованными стопками, тусклое, тёмно-жёлтое, благородное. Царские червонцы. Десятки, может, сотни штук. Они были переложены пожелтевшей, промасленной, похожей на пергамент бумагой, которая истлела по краям. На самой верхней монете отчётливо виднелся профиль Николая II. Отчим осторожно, как будто боясь обжечься, потрогал пальцем холодную, гладкую поверхность. Он взял одну монету, поднял её к лучу фонаря, повертел. Золото отозвалось мягким, глубоким блеском. Он попробовал её на зуб – старый, дикий способ проверки. На мягком золоте остался след.

Это было оно. Настоящее. Легенда оказалась правдой.

Отчим опустил монету обратно в банку. Он не засмеялся, не заплясал. Его лицо было совершенно неподвижным, маской, под которой бушевали невидимые бури. Потом он медленно, очень осторожно, закрыл крышку, стараясь, чтобы она легла как можно плотнее.

– Всё, – тихо сказал он. – Уходим. Быстро.

Он сунул банку в холщовую сумку, сверху накидал тряпья, которые взял с собой, и лом. Сумка стала невероятно тяжёлой. Он взвалил её на плечо, крикнув от напряжения.

– Ни слова никому, – резко бросил он Сергею. – Ни пацанам, ни деду, никому. Понял? Один звук – и нас всех в тюрьму, а золото отнимут.

– Понял, – кивнул Сергей-ребёнок, охваченный странным чувством – не триумфа, а леденящей серьёзности происходящего.

Они вышли из развалин, когда солнце уже показалось из-за терриконов, заливая мир холодным розовым светом. Они шли обратно не той же дорогой, а окольными путями, через огороды и пустыри, стараясь не попадаться на глаза даже ранним прохожим. Дома мать встретила их в дверях, бледная, с огромными испуганными глазами. Она молчапустила их, захлопнула дверь и заперла на щеколду.

Отчим, не говоря ни слова, отнёс сумку в свою спальню, в самую дальнюю комнату. Вернулся он через минуту, уже без сумки. Он сел за кухонный стол, и его руки заметно дрожали, когда он пытался раскурить сигарету.

– Ну? – едва слышно спросила мать.

– Есть, – отчим кивнул, наконец затянувшись. Дым выдохнул напряжённой струей. – Полная банка. Червонцы. На вид... даже не знаю, сколько. Тыщу, может, две.

– Господи... – мать перекрестилась, забыв на миг о всякой советской атеистичности. – И что теперь?

Теперь начался самый сложный этап – этап обсуждения, планирования и принятия судьбоносных решений. И за столом, за занавешенными окнами, начался семейный совет, в котором двенадцатилетний Сергей принимал участие наравне со взрослыми.

– Продать надо, – начал отчим. – Здесь, понятное дело, нельзя. Сразу сцапают. Надо везти к Андрею, в Казахстан. Он связи имеет.

– А как довезти? – беспокойно спросила мать. – На поезде? На каждом углу милиция...

– На поезде – самый надёжный способ. Спрятать в чём-нибудь. В двойное дно чемодана. Или... в продукты. В банку с топлёным салом, например. Золото тяжёлое, на дно уйдёт. – Отчим явно уже обдумывал это. – Поедем вместе. Я, ты и Сергей. Скажем, в гости к родне, в село. А оттуда я съезжу к Андрею в Чимкент.

– А деньги? – спросила мать. – Он ведь сразу не отдаст. Будет искать покупателя.

– Договоримся о части. Хотя бы половину вперёд, на доверие. С ним можно. Мужик он хоть и ушлый, но слово держит. А остальные – как продаст.

План вырисовывался. Рискованный, полный дыр, но единственно возможный. И тут Сергей, выждав паузу, вставил своё:

– А потом... поедem в Аркаим?

Отчим и мать посмотрели на него. Теперь, после найденного золота, его «бредни» о поездке воспринимались уже совсем иначе. Если уж сон про клад оказался правдой, то почему бы и про поездку не быть тем же?

– А что это за место, Серёжа? – мягко спросила мать. – И зачем тебе туда?

– Не знаю точно, – честно ответил ребёнок. – Но голос сказал, что мне там надо побывать. Что это важно. Очень. Может... может, там ещё что-то есть? Или... я должен что-то там понять. – Он не врал. Он действительно не знал. Но чувствовал необходимость железной цепи.

Отчим помолчал, снова закурил.

– От нас до этого... Аркаима далеко. Это ж Челябинская область. Тысяча километров, если не больше. На поезде – сутки, а то и больше. И деньги... даже если с золотом рассчитаемся, деньги ещё нужны будут на жизнь, на дом...

– Мы можем поехать из Чимкента, – настойчиво сказал Сергей. – Прямо оттуда. Не возвращаясь сюда. Скажем, что хотим посмотреть страну. Раз уж такая возможность. Мы же никогда нигде не были!

В его детском голосе звучала такая искренняя, такая несвойственная им всем мечтательность о простом человеческом счастье – путешествии, что мать не выдержала. На её глазах блеснули слёзы.

– Правда, Володя... Мы никуда не ездили. Ни разу. Только с Казахстана сюда... Да и то, как беженцы почти.

Отчим смотрел в стол. Долг был его личным кошмаром, его неудачей. Возможность разом расплатиться, да ещё и обеспечить семье хоть какую-то финансовую подушку, была сильнейшим соблазном. А поездка... Возможно, это и вправду был последний шанс что-то увидеть, пока молодые, пока дети не выросли.

– Ладно, – тяжело вздохнул он. – Разберёмся с золотом, рассчитаемся с Колей... а там посмотрим. Если останется на билеты и на жизнь немного вперёд... может, и махнём. Но это не точно. Понял, Сергей? Не точно.

– Понял, – кивнул Сергей, но внутри уже ликовал. Это была первая, самая трудная победа.

Последующие дни прошли в лихорадочной, скрытной подготовке. Отчим смастерил чемодан с двойным днищем. Банку с золотом, предварительно переложив монеты в несколько холщовых мешочков, спрятали там же, среди старых вещей и тряпья. Мать собирала нехитрые дорожные припасы – сухари, тушёнку, яйца варёные. Билеты на поезд из Днепропетровска – до Чимкента, через Москву взяли на ближайшую дату – через пять дней. Соседям и родне сказали, что едут в гости в родное село на пару недель.

Сергей-ребёнок жил в предвкушении великого путешествия. Сергей-наблюдатель был настороже. Он не чувствовал угроз со стороны «Паука» или иных внепространственных сил. Но он чувствовал другую угрозу – человеческую. Риск быть пойманными с золотом. Риск, что кум Андрей обманет. Риск, что поездка на Урал сорвётся. И глубинное, необъяснимое чувство, что Аркаим – это не просто точка на карте. Это место, где линии его судьбы, судьбы Смотрителя, сходятся с чем-то древним и мощным, что спало в земле тысячи лет.

За два дня до отъезда он снова сходил к деду. Тот, кажется, что-то почуял. Он долго смотрел на внука своими мудрыми, выцветшими глазами.

– Далеко собираешься, внучек?

– В гости, дед. В Казахстан.

– В Казахстан... – дед задумался. – Земля большая. И древняя. Там много тайн в земле лежит. И не все они добрые. Береги себя. И семью береги. Не гонись за тем, что слишком ярко блестит. Иногда это блеск не золота, а лезвия.

Сергей-наблюдатель содрогнулся. Слова деда были удивительно точны, хотя старик не мог знать и сотой доли правды. В них была народная мудрость, которая, как оказалось, простиралась гораздо дальше бытовых проблем.

Наступил день отъезда. Раннее утро, перрон вокзала, пахнувший углём, мазутом и надеждой. Они втиснулись в плацкартный вагон, забили свои скромные вещи и тяжёлый, с двойным дном, чемодан на третью полку. Поезд тронулся, унося их из знакомого шахтёрского городка навстречу неведомому.

Сергей прильнул к окну, глядя на мелькающие поля, перелески, станции. Его детское «я» было захвачено романтикой дороги. Взрослое «я» считало километры, отделявшие их от Чимкента, а потом – от Аркаима. Он не знал, что ждёт их впереди. Не знал, удастся ли продать золото, рассчитаться с долгом и уговорить родителей на последний, самый важный бросок.

Но он знал одно: нить, брошенная Вышними, вела его вперёд. И он, как послушное оружие, шёл по ней. Шёл, чтобы встать в сердце древнего городища и, наконец, понять, зачем он,

Сергей, мальчик из шахтёрского городка, был избран Смотрителем миров. Аркаим ждал. И он должен был прийти.

Глава 3

Глава 3: Стальные пути и вопросы без ответов

Дорога заняла четверо суток. Целая вечность, заключенная в ритмичный стук колёс и бесконечно меняющийся за окном пейзаж. Первый отрезок – до Москвы – прошёл в суматошной, нервной суете. Плацкартный вагон, битком набитый людьми, запахами варёных яиц, колбасы, пота и сигарет. Сергею, в его детском теле, это было диковинкой и приключением. Он с интересом разглядывал попутчиков: усталых, но веселых солдат, едущих в отпуск; шумную семью с грудным ребёнком; двух интеллигентного вида мужчин, что весь путь играли в шахматы на складной доске. Но за этой внешней любознательностью мальчика скрывалось напряжённое, аналитическое внимание взрослого сознания.

Мать всю дорогу не находила себе места. Она то и дело поправляла чемоданы на третьей полке, где в потайном дне лежала их судьба. Её взгляд бегал по вагону, выискивая потенциальную опасность в лице любого человека, который посмотрел на их полку чуть дольше обычного. Её тревога была многослойной, как пирог. Самый нижний, фундаментальный слой – страх за Таньку, младшую дочь, оставленную с бабушкой и дедом. Хотя она доверяла своим родителям абсолютно, материнское сердце не знало покоя. «Как она там? Не плачет ли? Не заболела ли?» – эти вопросы она задавала сама себе по сто раз на дню, тихо, почти беззвучно шевеля губами.

Слой второй – дом.

Их собственный, только-только обустроенный дом, оставленный «без присмотра». Несмотря на обещание соседки, бабушки Маленчихи, присматривать, мать рисовала в воображении мрачные картины: прорвало трубу, забрались воры, случился пожар... Каждый стук колёс, не совпадавший с общим ритмом, заставлял её вздрагивать, как от сигнала бедствия.

И третий, самый острый, пронизывающий все остальные страх – золото. «Не дай Бог!!!» – эта мысль, не озвученная, но читаемая в её широких, испуганных глазах, висела в воздухе плотнее табачного дыма. Каждая проверка билетов проводницей, каждый поход отчима в туалет (оставлявший её одну охранять чемодан), каждый громкий смех или спор в вагоне – всё это казалось ей угрозой, попыткой выведать их страшную тайну. Она почти не ела, спала урывками, просыпаясь от каждого шороха.

Отчим, напротив, внешне был спокоен, даже мрачно сосредоточен. Он вёл себя как человек, взявший на себя ответственность и не позволяющий себе паниковать. Он спал много, ел с аппетитом, изредка перебрасывался с попутчиками парой слов о погоде или урожае. Но Сергей-наблюдатель замечал детали: как крепко, до побеления костяшек, отчим сжимал поручень, когда мимо проходил милиционер; как его взгляд, казалось бы, рассеянно блуждающий по вагону, на самом деле методично сканировал лица, фиксируя, кто и куда смотрит; как он никогда не отходил от полки с чемоданом дальше, чем на два-три шага. Его спокойствие было ледяной коркой над бурлящей бездной стресса. Он был тем самым камнем, на котором держалась вся эта авантюра, и он не мог позволить себе дать трещину.

А Сергей... Сергей за всё это особо не переживал. Вернее, его детское «я» периодически заражалось материнской нервозностью, но взрослое сознание, занимавшее большую часть его внутреннего пространства, оставалось отстранённым, аналитическим. Он смотрел на мелькающие за окном леса, поля, станции с их суетой, и думал. Думал о том, что же всё-таки «переигралось там, наверху».

Эта внезапная новая линия – была ли она задумана заранее? Было ли его возвращение в детство и это путешествие за кладом частью изначального плана Садовника? Или это была его, Сергея, личная инициатива, которая, как камень, брошенный в пруд, создала новые круги на воде судьбы? Он был пассивным наблюдателем, но его знание и его решение рассказать о кладе стали тем самым активным действием, которое изменило течение событий. Получалось,

он уже нарушил принцип невмешательства. Он уже был не просто тенью в своём прошлом, а действующей силой.

Но что если так и было задумано? Что если Вышние, или сам Садовник, через сон направили его именно к этому решению? Может, эта «новая линия» и была той самой, единственно верной тропой, которую он должен был протоптать? Аркаим маячил на горизонте его мыслей как конечная, самая важная точка. Клад был лишь разменной монетой, чтобы до неё добраться. Значит, всё это – лишь сложный, многоходовый механизм, созданный для того, чтобы привести Смотрителя в нужное место в нужное время. Эта мысль одновременно успокаивала и пугала. Успокаивала – потому что снимала с него груз ответственности за возможные парадоксы. Пугала – потому что делала его пешкой в игре, масштабы которой он даже не мог охватить.

Ночью, под мерный гул колёс, когда мать на соседней полке наконец впадала в беспокойный полусон, а отчим сидел у окна, куря в темноте, Сергей ловил себя на том, что мысленно обращается к тусклой, едва осязаемой здесь карте мультивселенной в своём сознании. Его собственный мир-сад по-прежнему светился стабильно. Красные маркеры угроз где-то далеко, на «окраинах» карты, не проявляли активности. Но он чувствовал... не изменение, а некую напряжённость. Как будто его нынешние действия, это путешествие во времени и пространстве, создавали едва уловимую рябь на поверхности реальности. Не разрыв, а колебание. Безопасное ли?

В Москве была короткая, но изматывающая пересадка. Час в душном, грохочущем метро с его толчеей – ад для матери, которая вцепилась в отчима одной рукой, а другой – в Сергея, не выпуская из виду чемодан, который нёс отчим. Казанский вокзал поразил Сергея-ребёнка своим шумом, масштабом, императорской архитектурой. Он впитывал впечатления, а взрослый внутри холодно отмечал: «Вот она, нервная система империи. Люди-клетки, несущиеся по предписанным маршрутам». Они влились в этот поток, сели в другой поезд, уже прямой до Чимкента.

Последние трое суток пути были самыми трудными. Первоначальная нервная энергия стала иссякать, сменившись глухой, накапливающейся усталостью. Пейзаж за окном постепенно менялся. Исчезли густые леса и зелёные поля средней полосы. Появились степи – сперва холмистые, с перелесками, потом всё более плоские, безбрежные, выжженные солнцем. Это уже была земля, отдалённо напоминающая ту, из которой они когда-то уехали. Мать, глядя на бескрайние просторы, тихо плакала – то ли от ностальгии, то ли от страха перед будущим.

В эти долгие часы Сергей много говорил с отчимом. Вернее, слушал его. Оказавшись в относительной безопасности (чемодан был под боком, посторонних ушей рядом меньше), отчим стал немного разговорчивее. Он рассказывал о Казахстане своей молодости, о том самом куме Андрее, о его деловой хватке и связях. Рассказы были скупые, без прикрас, но в них проступал контур иной жизни – жизни, где выживал умнейший, где границы закона были размыты, а главной ценностью было слово, данное своему человеку. Отчим, суровый и молчаливый дома, здесь, в поезде, на пути к рискованной сделке, казалось, возвращался к чему-то более древнему, племенному – к законам мужской круговой поруки и взаимовыручки.

– Андрей не подведёт, – говорил он, глядя в степь. – С ним можно дело иметь. Он хоть и хитрый, как лис, но если дал слово – сдержит. А уж продать... продаст. У него там, в Чимкенте, и в Ташкенте люди есть. Богатые люди. Им это золото – как нам пачка папирос. Для коллекции, для подарка... Им не страшно.

Сергей слушал и понимал, что для отчима эта поездка – не просто способ рассчитаться с долгом. Это шанс восстановить свою мужскую состоятельность, доказать самому себе, что он может обеспечить семью, вытащить её из ямы. Золото было для него не просто деньгами. Оно было символом спасения.

А мать всё чаще заговаривала о возвращении.

– Как рассчитаемся с Колей, может, сразу домой? – спрашивала она робко. – И так уж много денег потратили на билеты, на еду в дороге...

– Посмотрим, – уклончиво отвечал отчим, но тут же ловил на себе взгляд Сергея. И во взгляде этом была не детская просьба, а что-то неуловимо взрослое, требовательное. – Посмотрим, – повторял он уже тише.

Сергей-наблюдатель чувствовал, как хрупок их союз, этот треугольник «родители-сын», скреплённый тайной и надеждой. Мать тяготела к безопасности, к привычному, даже если оно было бедным. Отчим мечтал о финансовом освобождении, но дальние поездки были для него непозволительной роскошью. И только он, Сергей, гнал их вперёд, к загадочному Аркаиму, движимый голосом из сна и смутным, но неумолимым чувством долга, идущим из будущего.

На четвёртые сутки, ранним утром, когда за окном поплыли первые, сонные домики окраин, проводница объявила: «Станция Чимкент!» В вагоне поднялась суета. Мать, бледная как полотно, стала судорожно собирать вещи, её руки дрожали. Отчим молча и быстро стащил с полки чемодан, взвесил его в руке – тяжёлый, необычно тяжёлый для своих скромных размеров. Его лицо было каменным.

Сергей же смотрел в окно. Чимкент. Пыльный, солнечный, с плоской, азиатской архитектурой. Запах через открытую форточку был другим – пыль, жар, пряные нотки чужой кухни. Его детское сердце забило от предвкушения нового города. Взрослый ум констатировал: «Первый этап пройден. Сейчас начнётся самое сложное».

Поезд, содрогнувшись, замер у перрона. Двери открылись, хлынул поток людей. Они вышли, прижавшись друг к другу, на платформу, залитую уже палящим южным солнцем. Отчим огляделся, отыскивая в толпе обещанную фигуру. И увидел. К ним, широко улыбаясь, шёл невысокий, коренастый мужчина в белой рубахе навыпуск и с умными, быстрыми глазами. Кум Андрей.

– Миша, Люда! Здравствуйте, привет, здорово! – его голос был громким, раскатистым, полным искренней, казалось, радости. Он обнял отчима, кивнул матери, потрепал Сергея по голове. – Ну что, дорожные? Устали? Пойдёмте, машина ждёт, правильно сделал что телеграмму отправил.

Их встреча была тёплой, шумной, по-южному гостеприимной. Но Сергей-наблюдатель, глядя в хитрые, всё замечающие глаза Андрея, понял: игра началась. Игра, в которой на кону было их будущее и его, Сергея, миссия. Теперь всё зависело от этого ушлого мужика и от того, удастся ли им, простой рабочей семье, сыграть в чужих, опасных правилах.

Они шли за Андреем по оживлённой улице, и Сергей в последний раз оглянулся на уходящий поезд. Стальные пути, привезшие их сюда, теперь казались нитью, связывающей его с прошлым, с тем летним днём на траве. Впереди же лежала неопределённость: продажа золота, расчёт с долгом и... дорога на север. К Аркаиму. К разгадке.

Глава 4

Глава 4: Бидон для золота и слово кума

Их ждал грузовик ГАЗ-51 с фанерной будкой на полкузова, припаркованный на соседней, пыльной улице. Машина была казённая, с потёртыми номерами автобазы какого-то местного управления. Но дядька Андрей, следуя неписаным, но железным традициям тех мест, сунул «бакшиш» начальству и теперь спокойно использовал её для своих нужд, подрабатывая извозом и перевозкой «особых» грузов. Таковы были реалии жизни в Средней Азии времён «развитого социализма».

P.S. И это не выдумка автора. Сергей, вспоминая уже из своего взрослого будущего, знал, что при Горбачёве знаменитые следователи Гдян и Иванов, расследовавшие громкое «хлопковое дело», находили и конфисковывали миллионы рублей и долларов, а также бидоны изпод молока, до верха набитые золотыми царскими червонцами и ювелиркой. Автор этих строк был сам знаком с одним из работников той самой прокурорской бригады. Тот, тогда ещё молодой парень, не смог удержаться от искушения, и один трёхлитровый бидончик с золотишком «прилип» к его рукам. От тюрьмы его спас только отец – зажиточный председатель исполкома городка.

Так что Сергей, зная эту историю из первых уст, теперь нисколько не сомневался в возможности нормального, пусть и теневого, сбыта золота. Как любили с иронией говорить местные узбеки, подмигивая: «Мэн хозяин страна». То есть – «я хозяин страны», своеобразный юмор с коммунистическим оттенком, который на деле означал: здесь свои порядки, свои понятия, и советская власть здесь часто оставалась лишь красивой вывеской.

Андрей ловко швырнул их нехитрый багаж в открытый борт, усадил семью в будку на деревянных лавках, сам прыгнул за руль, и грузовик, с грохотом и лязгом, тронулся в путь, поднимая за собой хвост рыжей пыли. Ехали недолго, минут двадцать, через шумные, полные невообразимой для украинского городка жизни базарные улицы, мимо глинобитных дувалов и новеньких пятиэтажек, пока не свернули в тихий переулок, где стояли аккуратные домики с плоскими крышами и густыми виноградниками во дворах.

Дом Андрея был именно таким: неброский снаружи, но внутри – просторный, прохладный, с дорогими по местным меркам коврами на стенах и полу, с массивной резной мебелью. Жена Андрея, полная, добродушная женщина по имени Надя, тут же засуетилась, усаживая гостей за низкий стол – дастархан, уставленный тарелками с лепёшками, сухофруктами, орехами и сладостями. Пахло пряностями, бараниной и свежей выпечкой.

Но всем, включая гостеприимных хозяев, было не до еды. В воздухе висело главное. После обменов первыми людьми, расспросов о дороге, отчим многозначительно переглянулся с Андреем. Тот кивнул, поднялся.

– Пойдём, Миша, посмотрим на твой... груз.

Они вышли в небольшой, глухой сарайчик во дворе, куда Андрей предварительно отнёс их чемодан. Сергей, как бы невзначай, потянулся за ними – его детское любопытство было прекрасной ширмой для взрослого интереса наблюдателя. Мать осталась в доме с Надей, но по её лицу было видно, что вся её душа там, в сарае.

В сарае пахло землёй, старым деревом и бензином. Андрей закрыл за собой дверь, защёлкнул крюк. Без лишних слов отчим открыл чемодан, извлёк из потайного дна холщовые мешочки и высыпал содержимое одного из них на чистый, заранее постеленный на верстак кусок брезента.

Золото, вывалившись, издало тот самый, властный, бархатисто-звонящий звук, который навсегда врежется в память. Червонцы лежали грудой, тускло поблёскивая в луче единственной лампочки под потолком. Андрей не стал восторгаться. Он стал работать. Он взял одну

монету, осмотрел её под лупой, проверил гурт, потер о тёмный камень, что лежал тут же, на верстаке (видимо, пробирный), взвесил на маленьких, точных весах. Его движения были быстрыми, профессиональными. Он был не просто «кумом», он был экспертом. Отчим молча стоял рядом, затаив дыхание, его руки слегка дрожали. Сергей наблюдал, и его взрослый ум отмечал каждую деталь: уверенность Андрея, его спокойную деловитость. Этот человек знал толк не только в продаже, но и в товаре.

– Настоящие, – наконец произнёс Андрей, откладывая лупу. – Хорошо сохранились. Редкость, конечно, но не уника. У коллекционеров идут на ура. Особенно у наших... – он многозначительно хмыкнул, – ...у наших богатых дядек. Любят они такое. Имперское, солидное.

– Сколько? – одним словом выдохнул отчим.

Андрей снова взвесил всю стопку, прикинул в уме, потом взял блокнот и карандаш, что-то быстро подсчитал.

– Вес хороший. Монет тут... много. Если продавать поштучно, коллекционерам, можно выручить... – он назвал цифру, от которой у отчима перехватило дыхание, а Сергей-наблюдатель внутри ахнул. Даже с учётом инфляции из будущего, сумма была огромной. – Но это если долго искать покупателей, торговаться. Я предлагаю быстрее и надёжнее. У меня есть человек. Он скупает оптом, для переплавки или для вывоза. Цена будет ниже, но зато сразу, наличными, и никаких вопросов. Он даст... – Андрей назвал новую цифру. Она была почти в два раза меньше первой, но всё равно астрономической для семьи рабочего. Отчим, услышав её, просто сел на чурбак, словно у него подкосились ноги.

– Это... это... – он не мог вымолвить слово.

– Это примерно тридцать тысяч советскими, – спокойно закончил Андрей. – Может, чуть больше, может, чуть меньше, посмотрю, как поторгуюсь. Из них три тысячи – мои, за работу, за риск, за связь. Остальное – ваши. Чистыми.

«Тридцать тысяч...» – эта цифра гудела в воздухе, как набат. Родители, если бы услышали её вместе, обалдели бы. Даже с учётом трёх тысяч комиссионных остаток впечатлял и здорово! Это было не просто избавление от долга. Это был капитал. Возможность новой жизни.

– Двадцать семь тысяч... – прошептал отчим, как бы пробуя сумму на вкус. Его лицо озарилось не жадностью, а чем-то иным – невероятным, сокрушительным облегчением. Словно гири в сорок пудов, которую он нёс на шее годами, вдруг рассыпалась в прах.

– Примерно так, – кивнул Андрей. – Работать будем так. Ты мне оставляешь всё золото. Я в течение трёх-пяти дней нахожу покупателя, получаю деньги. Ты приезжаешь ко мне, забираешь свою долю. Всё честно. Моё слово тебе известно.

И тут произошло то, чего Сергей-взрослый не ожидал, но что полностью укладывалось в законы этого мира и этого времени. Отчим, не колеблясь ни секунды, протянул руку.

– Договорились, Андрей. На твоей совести.

– На моей, – тот пожал её крепко.

Не было расписок, неторопливого подсчёта монет при свидетелях. Было слово. Мужское слово кума, подкреплённое годами знакомства и, видимо, не одной совместной авантюрой. В этом была и дикость, и своя, архаичная, но прочная надёжность.

Они вернулись в дом. Мать, увидев выражение лица мужа, поняла всё без слов. Её собственное лицо дрогнуло, на глаза навернулись слёзы, но теперь уже – слёзы освобождения. Надежда, будто ничего не замечая, стала наливать всем чай, подкладывать еду. Атмосфера в доме сразу потеплела, напряжение сменилось сдержанной, но радостной эйфорией.

За ужином, за щедрым пловом, который Надя сама приготовила и сама гордо подала, разговор пошёл уже о другом. О жизни, о родне, о планах. Выпили – отчим и Андрей – по паре стопок крепкой, домашней тутовой водки. И вот тогда, под хмелем, с размягченным, счастливым лицом, отчим обнял Сергея за плечи и громко, так, чтобы слышали все, сказал:

– А потом, сынок, как получим свои... мы махнём! Куда тебе там снилось! В этот твой... Аркаим! Обязательно будет! Слово даю!

Это было сказано с таким искренним, пьяным восторгом, с такой готовностью осуществить любую, самую безумную мечту сына, что Сергея-ребёнка охватила буря восторга. Он засмеялся, обнял отчима в ответ. Мать улыбалась сквозь слёзы, качая головой: «Куда вас только несёт...»

Но Сергей-наблюдатель внутри не смеялся. Он слышал в этом обещании не просто родительскую щедрость. Он слышал отзвук той самой воли, что вела его сюда. Первый, самый трудный барьер был взят. Золото нашло своего покупателя (вернее, скоро найдёт). Доверие между отчимом и кумом было абсолютным. Деньги вот-вот будут. И теперь слово, данное сыну, для такого человека, как отчим, было почти так же свято, как слово, данное куму. Особенно данное публично, после стопки. Особенно когда на душе – такая невероятная лёгкость.

Вечером, укладываясь спать на разостланных прямо на полу в гостиной кошмах, Сергей прислушивался к тихому разговору родителей за тонкой перегородкой.

– Ты правда решил... на Урал? – слышался шёпот матери.

– А что? – голос отчима был твёрд, трезв, несмотря на выпитое. – Деньги будут. Долг отдадим – ещё сколько останется! Мы всю жизнь пахали, никуда не выбирались. Сейчас шанс. И Серёге... я обещал. Ему, видишь ли, там надо. Кто его знает, почему... Но раз уж с кладом не обманул, значит, и с этим... может, правда что-то есть. Поедем. Посмотрим страну.

В его голосе звучала не только благодарность сыну за «наводку», но и какая-то новая, невиданная прежде уверенность и широта мысли. Деньги, вернее, их призраки, уже меняли его, раскрепощали.

Сергей лежал в темноте, глядя в потолок, по которому ползали отблески уличного фонаря. Он думал о грузовике ГАЗ-51, о бидонах с золотом, о следователях из будущего, о слове «мэн хозяин страна». Его путь, путь Смотрителя, причудливо сплетался с самой густой, самой тёмной и самой живучей материей обычной человеческой жизни – с бытом, с коррупцией, с доверием, с мужскими обещаниями, выпитыми под водку. Это был не мир высоких технологий Конклава и не пространство битв между гигантскими сущностями. Это была почва. Грубая, пыльная, пахнувшая бензином, лепёшками и потом. И именно из этой почвы, как ни парадоксально, выростала та сила, что вела его к Аркаиму.

Он не знал, что ждёт их там, на Урале. Не знал, как отреагирует его «якорь» на встречу с местом, чей возраст исчислялся тысячелетиями. Но он чувствовал правильность пути. Чувствовал, как с каждым шагом – от детской площадки до развалин, от развалин до этого сарая в Чимкенте – та нить, что была брошена ему Вышними, натягивается, ведя его к некоей цели. К цели, которая, возможно, была важнее даже войны с Клинками. Ибо что такое защита миров, если не защита вот этой самой жизни – со всей её грязью, с её «бакшишами», её доверием «на слово», её пьяными обещаниями отцов и надеждами матерей?

Он заснул под непривычные звуки южной ночи – лай далёких собак, стрекотание цикад и размеренное храпение отчима за перегородкой. Следующие несколько дней должны были стать днями ожидания. Но Сергей был спокоен. Куму Андрею можно было верить. Как верили здесь, в этой стране, где «хозяевами» были те, кто умел договариваться. И следующей остановкой на этой странной, извилистой дороге домой – к самому себе – будет не дом на Украине, а древнее городище в степи. Аркаим.

Глава 5

Глава 5: Дни ожидания и тени прошлого

Они остановились у дяди Андрея на эти дни ожидания. Срок в три-пять дней, озвученный хозяином, повис в воздухе обещанием и испытанием. Чтобы не сходить с ума от нервного ожидания, не выдавать себя случайным словом или взглядом, семья взяла за правило каждый день куда-нибудь выбираться. Это была не только разрядка, но и паломничество в прошлое матери.

Первым делом они нанесли визиты родственникам – двоюродным и троюродным, разбросанным по разным концам Чимкента и его окрестных посёлков. Эти визиты были похожи один на другой: радостные, немного суетливые встречи на порогах небогатых домов, щедро накрытые столы, несмотря на протесты гостей («Да мы только чайку!»), поток воспоминаний, в котором Сергей-ребёнок был лишь слушателем. Он видел, как мама оживала среди этих людей, как с её лица сходила привычная озабоченность, как она смеялась тем беззаботным, молодым смехом, который Сергей не слышал, кажется, никогда. Она расспрашивала о здоровье, о детях, о стариках, ловко вплетая в разговор казахские и узбекские слова, которые почти забыла за годы жизни на Украине. Сергей-наблюдатель видел в этих встречах прощание. Мать знала, что видит этих людей, эту свою прежнюю жизнь, в последний раз. И это знание делало каждую улыбку чуть грустнее, каждое объятие – чуть крепче.

Одним из главных, самым важным для матери пунктом стало посещение кладбища. Не того центрального, ухоженного, а старого русского кладбища на окраине, где земля была сухой и растрескавшейся, а памятники – скромными, часто самодельными. Сюда они пришли втроём – мать, отчим и Сергей. Несли с собой краску в банке, кисти, грабли и серп.

Могила родного отца Сергея была скромной, с потёртой фотографией на металлической табличке. Человек, чью кровь он носил в себе, погиб в автокатастрофе, когда Сергею было всего семь месяцев. От него не осталось ни памяти, ни образов, лишь смутное, генетическое чувство и эта железная оградка под палящим солнцем. Мать, не говоря ни слова, принялась выпалывать бурьян. Отчим молча помогал. Сергей красил оградку, и яркая зелёная краска ложилась на ржавое железо, будто возвращая к жизни то, что уже давно ушло в прошлое. Мать работала молча, сосредоточенно, но Сергей видел, как по её щеке, смахнутой тыльной стороной ладони, катится слеза, смешиваясь с пылью и потом.

Рядом были и другие могилы – целый семейный уголок. Здесь покоилась прабабушка, мать его бабушки, которую он видел последний раз в шесть лет. Рядом – два её брата, дядьки, помершие после войны. И ещё несколько холмиков с полустёршимися надписями – родня, о которой Сергей даже не слышал. Мать, закончив с могилой отца, обошла их все. Где-то поправила покосившийся цветник, где-то протёрла фотографию влажной тряпицей, привезённой с собой. Она не плакала громко, она просто «проведала» их всех, как живых, шепча короткие фразы: «Вот, пришла я... Здравствуйте... Сына привела...». Это был древний, языческий ритуал памяти, сильнее любой церковной службы. Сергей-наблюдатель, стоя в стороне, чувствовал тяжесть этого места. Он ЗНАЛ что похороненные здесь его сейчас видят и слышат маму. Это была не точка на карте, а сгусток личной истории, боли и любви, вплетённый в ткань его семьи. И он, будущий страж миров, был кровью и плотью отсюда, из этой пыльной земли под южным солнцем. Этот якорь был ещё крепче, чем запах полыни на украинской окраине.

После кладбища они ходили по подружкам молодости матери. Эти встречи были другими – более шумными, эмоциональными, с взрывами смеха, внезапными слёзами и потоком воспоминаний, от которых Сергею-ребёнку становилось скучно, но взрослый наблюдатель ловил каждую деталь. Он видел, как эти женщины, многие из которых были совсем не похожи на его мать – загорелые, с яркими платками, с быстрыми, как у птиц, движениями, – смотрели на неё

с теплотой и лёгкой завистью. Она уехала, она жила «у славян», она говорила без акцента. Но в эти часы все различия стирались. Они были девчонками, которые вместе росли, вместе мечтали, вместе переживали первые радости и горести. Угощения здесь были особыми, щедрыми, как и положено у нормальных, гостеприимных людей. Столы ломились от самсы, баурсаков, всевозможных лепёшек, вяленого мяса и, конечно, чая с невероятным количеством сахара. Мать, обычно сдержанная в еде, здесь ела с аппетитом, хвалила, вспоминала, как та или иная вещь готовилась в её детстве.

К вечеру, набродившись по августовской тридцатиградусной жаре, обожжённые солнцем и нагруженные впечатлениями (а часто и гостинцами, которые невозможно было отказаться принять), они возвращались в дом Андрея. Мать бывала смертельно уставшей, но странно довольной, умиротворённой. Она знала, что всех этих людей видела в последний раз, и это осознание придавало каждой минуте, каждому слову прощальную, завершённую ценность. Сергей видел, как она вечерами, сидя на кухне с тётёй Надей, тихо пересказывает прошедший день, и в её голосе звучала лёгкая, светлая грусть, как осенний свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.